

Плотный, напористый стих Натальи Ивановой держит читательское внимание своей экспрессией, поэтический жест её определённо проявлен. Внутренний сюжет стихотворенья развивается динамично и неожиданно. Пряный привкус восточной тематики и свободное дыхание – свойства её поэзии.

Д. Ч.

* * *

Слышу, звенят недостатки в твоих букварях,
Доски исписаны мелом и стёрты прибитки.
Был великаном, а нынче – слуга при царях:
Крошится хлеб и вино разбавляется жидко.

Чаша Грааля – казалось бы, вот, протяни
Руку, но пенные кубки опять передвинут
В залы, где кровь голубая. Кляни-не кляни
Лямку старанья, а будешь ни к месту, ни к чину.

Всё же, я смею напомнить: драконы, киты,
Мельницы, гидры и прочие ложные знаки
Были с тобою на «ты»,
Но не сбили с версты.
Так почему ж – у престола навроде собаки?

Так почему же, пройдя меж чудовищ, сирен
И возвратившись, робеешь в бравате у трона.
Лук неподъёмен, стрела отлетает от стен.
И Пенелопа стоит...
под венчальной короной...

ВЬЕТНАМ

Страна-новолуние... Царственный полумесяц вьетов,
Лодка рыболовецкая, бамбуковая субмарина,
Ребёнок за спиной полуострова, привязанный к суше лентой –
Ловит руками креветок, кладёт их в ту же корзину,
Где устричный жемчуг скрипит парусами солёного флота,
Где рисовых рос хватает всем сёстрам на ожерелья...
Там женщины чинят
и сети,
и жёлтые флаги,
и раны – такая у них работа.
А ласточки сушат гнёзда на бельевой параллели...

* * *

Нам бы до ста добраться в аскезе.
Колосом, тёрном, лозой – по вере.
Список короткий – в него не лезут
Клин журавлиный, синичьи перья.
В нём не бывает страниц, закладок –
Чистый поток и попутный ветер.
И вырастают из всех тетрадок
Корни деревьев, яблоки-дети.
Падают рядом и вносят лепту –
Следом идущим шагать ровнее.
«Существовать» заменив на «сущий»,
Хлебник – замесит, Сеятель – сеет...

* * *

Вдоль дороги пальмы и хижины «сделай сам».
Ананасы растут в ползучей траве и колкой.
Поезда над обрывом сигналият летучим псам.
И спуют – тук-тук – жестяные мотодвуколки.

Мне бы тоже крылья – повиснуть сомненьем вниз.
Или двигатель лёгкий, газ – и уже свобода!
Где-то чашка о блюде звякнет: дождись-дождись...
Я в дороге – и это лучшее время года.

Кто испытает парус у красных скал...
Зонт раскрывается, сливы щебечут томно,
Плот приплывает к берегу, словно к дому.
Этот шатёр не такой ли, как ты искал?

После потопа, двенадцати лет мытарств,
Рейсовых вылазок – строго по параллелям,
Что твоя гребля!
Я поднимаю с мели –
Вёсла,
осколки,
лодки
забытых царств.

* * *

А в лавке старого квартала – кит-стрекоза в гравюрной рамке...
Как будто я не понимала, что будут ямы, а не ямки.
Но котлован ночных прогулок казался неопасной лужей,
Поскольку каждый закоулок всегда выталкивал наружу.
Как будто я не понимала, что я не избрана, а звана.
И только крылья истязала – прозрачно-тонкие мембраны.
На дне справляя новоселье, спиною чувствовала бездну.
И громыхало подземелье по сухожилиям железным.
Но в этом кносском лабиринте – была не пленницей, а гостьей.
Крыло армировано нитью и не похоже на стрекозьё...
И режет цепи, режет связи. А с виду – легче водной плёнки.
И крутит ключ крестообразный винтов тяжёлые заслонки.
И поднимая дирижабли, сгорают топливные сферы.
И в небе тает кит-кораблик, моя крылатая химера...

* * *

Тучное небо над старым железным вокзалом.
Локомотивы – как будто двуглавые птицы.
Дизельным маслом натёрты полозья и спицы –
Легче скользится из кузни в литейную залу.
Птицы в ремонте. Их перья – в почистке, в починке.
Ставят колёса, меняют цилиндры, каретки.
Есть, говорят, к океанам железные ветки.
Значит, пора снаряжаться по южным тропинкам.

Значит, не время сидеть у окна над котельной:
Семь стеллажей и сливовое дерево в кадке.
Стулья без спинок – они не боятся усадки.
Есть, говорят, к океанам фургон карусельный.
Есть, говорят, к океанам канатные рельсы.
Кран мостовой не под крышей скользит, а под тучей.
Есть, говорят, магистрали – железной и круче,
Там, где беззвучно стучат перелётные рейсы.